

Масштабное сокращение экономической активности сопровождается кардинальной перестройкой отраслевой структуры производства и занятости. В настоящей главе структурные сдвиги, разворачивающиеся в центральноазиатских экономиках, рассматриваются в двух плоскостях: через призму трех укрупненных секторов народного хозяйства - аграрного сектора, промышленности и строительства и сферы услуг, а также отраслевой перестройки внутри промышленного сектора. Интенсивная отраслевая перекройка в постсоветских экономиках происходит на фоне повсеместного снижения уровня развития. В некоторых центральноазиатских экономиках произошедшие структурные сдвиги оказались столь масштабны, что привели к изменению типа развития, унаследованного от советского прошлого.

4.1. Изменения в макроструктуре экономики

Менее чем за десятилетие макроструктура экономики в странах Центральной Азии кардинально изменилась. В табл. 1 представлена динамика укрупненной структуры ВВП Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в текущих и постоянных ценах 1995 г. Качество статистики национальных счетов в этих странах таково, что структурные сдвиги в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане целесообразно рассматривать параллельно, а в Таджикистане и Туркменистане отдельно.

Наиболее интенсивная ломка унаследованной экономической структуры в первой тройке рассматриваемых стран наблюдалась в первой половине 90-х гг. При этом следует учитывать то обстоятельство, что фоном для перекройки структуры производства в постсоветских государствах служат не растущие, а падающие экономики, в которых к тому же происходит резко неравномерная в отраслевом разрезе перекройка абсолютных и относительных цен. Соответственно изменение

секторальных долей в структуре ВВП может отражать не опережающий рост выпуска продукции, а более медленное сокращение производства в каком-то из секторов в сравнении с другими секторами экономики.

Еще важнее подчеркнуть то принципиальное положение, что структурные изменения в постсоветских экономиках отражают не процесс современного экономического роста, а процесс приспособления унаследованных хозяйственных структур к принципиально новой среде функционирования. В этом смысле экономики, скажем, Казахстана в 1991 г. и 2000 г. различаются не только количественными, но, главное, качественными характеристиками. Если в начале 90-х годов народное хозяйство КазССР функционировало в качестве нерыночного образования и к тому же было встроено в единый советский народно-хозяйственный комплекс, то к концу 90-х гг. казахская экономика стала преимущественно рыночной и функционировала в глобальном рыночном пространстве. Этот переход через «седловую точку», в ходе которого меняются ключевые параметры исследуемого объекта, общепринятые индикаторы экономической активности уловить не способны. Они фиксируют лишь конечный результат перехода.

Эти соображения следует иметь в виду, когда ниже мы говорим о деиндустриализации или реаграризации центральноазиатских экономик. С учетом изменения качества, деиндустриализация предстает как процесс, не сброса промышленной активности (аналогично тому как это регулярно происходит в развитых и развивающихся рыночных экономиках), а избавления от нерыночных промышленных структур. В новых рыночных условиях значительная, если не подавляющая часть унаследованных промышленных мощностей абсолютно бесполезна и способна производить лишь так называемую «отрицательную добавленную стоимость». Иначе говоря, в системе новых ценовых пропорций издержки производства оказываются выше цены конечной промышленной продукции. В экономической литературе неизбежные потери производства при переходе от командно-мобилизационной экономики к рыночной получили определение «трансформационный спад».

В первые годы независимого развития Казахстан, Кыргызстан и в меньшей степени Узбекистан прошли через деиндустриализацию, что нашло отражение в снижении удельного веса промышленности и строительства в структуре ВВП. Параллельно во всех трех странах за-

метно увеличился вклад услуг в производство валового внутреннего продукта. Особенно заметно позиции промышленности ослабли в Кыргызстане, а сфера услуг укрепилась в Казахстане. Речь, понятно, идет только об относительном укреплении позиций третичного сектора, выпуск в котором повсеместно сократился, однако менее глубоко в сравнении с другими секторами.

Относительная значимость аграрного сектора в разных странах изменилась по-разному. В Узбекистане и особенно Казахстане, если судить по структуре ВВП в текущих ценах, вклад сельского хозяйства в совокупное производство заметно сократился. В Кыргызстане же, напротив, этот вклад заметно увеличился. Причем реаграризация кыргызской экономики прослеживается при расчетах как в текущих, так и постоянных ценах.

Таблица 1

*Сдвиги в структуре производства и занятости в государствах
Центральной Азии, %*

	ВВП							Занятость		
	в текущих ценах				в ценах 1995 г.			1990	1995	2000
	1991	1995	1998	1999	1990	1995	2000			
Казахстан сельское х-во промышленность и строительство услуги	29	13	9	11	14	13	11	23	22	22
	37	32	31	32	40	31	33	32	22	18
	34	55	60	57	46	56	56	45	56	60
Кыргызстан сельское х-во промышленность и строительство услуги	37	44	39	41	36	44	48	33	46	53
	35	19	23	26	30	19	23	28	16	11
	28	37	38	33	34	37	29	39	38	36
Узбекистан сельское х во промышленность и строительство услуги	38	32	31	33	30	32	30	39	41	36
	36	28	26	24	22	28	29	24	19	21
	27	40	43	43	48	40	41	37	40	43
Таджикистан сельское х во промышленность и строительство услуги	37	38	22	19	27	38	37	43	59	68
	36	39	22	24	37	39	32	22	14	10
	27	23	56	57	36	23	11	35	27	22
Туркменистан сельское х-во промышленность и строительство услуги	11**	17	25	26		17		42	45	48***
	78**	62	41	43		62		21	19	18***
	11**	21	34	31		21		37	36	34***

* - структура валовой добавленной стоимости. Структура ВВП в постоянных ценах 1995 г получена путем пересчета стоимостных показателей за этот год на базе динамики физических объемов производства. Данные по услугам получены как остаток

** - показатели за 1992 г

*** - показатели за 1998 г

Рассчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 205, 220, 295; Содружество независимых государств в 1999 г. Статистический ежегодник. С. 269, 275-276, 316, 322, 464,468-469,484, 509, 511, 540, 545; Statistical Handbook. 1996. P. 197, 231, 412, 441, 503, а также источникам к табл. 1 гл. 3.

Особенно интенсивные сдвиги в структуре производства наблюдаются в этот период в Казахстане и Кыргызстане, которые осуществили достаточно глубокую внутреннюю и внешнюю либерализацию. В Узбекистане же, отказавшемся от шоковой либерализации и в значительной мере сохранившем командно-административный контроль над экономикой, интенсивность структурных сдвигов была не столь заметной.

Дело в том, что динамика удельного веса основных макросекторов в ВВП определяется тремя факторами. Во-первых, долей секторов в производстве в начале рассматриваемого периода. Во-вторых, изменением относительных цен на продукцию этих секторов. В-третьих, динамикой объемов производства. Сравнительно «спокойное» изменение структуры ВВП Узбекистана означает, что цены на продукцию сельского хозяйства, промышленности и услуг менялись относительно друг друга более или менее равномерно. Столь же равномерно сокращалось и производство в этих секторах. Следует отметить и то, что удельный вес каждого из трех макросекторов в валовом внутреннем продукте в 1990 г. был примерно равным. При этом по своим качественным характеристикам узбекская экономика в конце десятилетия мало изменилась по сравнению с его началом.

Во второй половине 90-х гг. интенсивность отраслевой перестройки в Казахстане и тем более Узбекистане заметно снизилась. Примечательно, что в обеих странах в эти годы наблюдается частичная реиндустриализация, находящая отражение в повышении удельного веса промышленности и строительства в структуре производства. Причем в обоих случаях промышленность и строительство "отбирают" процентные пункты у сельского хозяйства

В Кыргызстане интенсивность структурных сдвигов во второй половине 90-х гг. осталась столь же высокой, как и в первой половине десятилетия. В этой маленькой даже в сравнении с небольшими соседними экономиками стране запуск одного-двух новых производственных проектов оказывает заметное влияние на макроструктуру

производства. Пуск в эксплуатацию единственного золотодобывающего месторождения подкинул вверх удельный вес промышленности и строительства в ВВП. Параллельно здесь продолжает увеличивать свой вклад в производство валового внутреннего продукта сельское хозяйство, что особенно выпукло проявляется при расчетах в постоянных ценах.

Направления сдвигов в структуре занятости практически совпадают с изменением отраслевых пропорций ВВП в постоянных ценах (см. табл. 1). Во всех трех рассматриваемых странах промышленность и строительство утратили былую роль важной сферы приложения рабочей силы. В Казахстане в 2000 г. вторичный сектор обеспечивал занятостью всего 18% совокупной рабочей силы в сравнении с 32% в начале десятилетия. Для Кыргызстана соответствующие показатели составляли 11% и 28%. В Узбекистане же структура занятости не претерпела принципиальных изменений, что отражает более спокойную структурную перестройку производственной структуры.

Показательно, что удельный вес сельского хозяйства в совокупной занятости в Казахстане и Узбекистане практически не изменился, а в Кыргызстане вырос на двадцать процентных пунктов с 33% в 1990 г. до 53% в 2000 г. Изменения в структуре занятости подтверждают вывод об ускоренной реаграризации Кыргызстана даже более наглядно, чем сдвиги в структуре производства.

Сфера услуг в Казахстане 2000 г. обеспечивала занятостью 60% совокупной рабочей силы. В Узбекистане четыре пятых рабочих рук примерно поровну распределились между услугами и сельским хозяйством.

Как и в производстве, интенсивность структурных сдвигов на рынке труда во второй половине 90-х гг. по сравнению с первой половиной десятилетия во всех трех странах замедлилась.

В Таджикистане, если следовать официальной статистике, структура ВВП в текущих ценах эволюционировала по казахскому, а структура занятости по кыргызскому варианту. В этом есть определенная логика. Изменения в структуре занятости точно фиксируют быструю реаграризацию таджикской экономики. Снижение же доли сельского хозяйства в производстве валового внутреннего продукта объясняется, во-первых, значительным уроном, который оно понесло в ходе многолетних военных действий, во-вторых, значительным недоучетом производства продукции из-за слабого контроля центрального правительства над территорией страны вне столицы.

В Туркменистане сдвиги в структуре ВВП следуют за динамикой производства в газовой промышленности. В 1991-1998 гг. добыча природного газа упала в 6,4 раза, с 84,3 до 13,1 млрд куб. м. В 1999 г. добыча увеличилась до 22, а в 2000 г. - до 47 млрд куб. м, соответственно удельный вес промышленности в валовом внутреннем продукте начал расти вновь.

Эволюция же структуры занятости однозначно свидетельствует о дальнейшем углублении аграрного характера современной туркменской экономики. Вторичный сектор при абсолютном доминировании в производстве предъявляет ограниченный спрос на рабочую силу.

Прибегая к грубым аналогиям, можно сказать, что по структуре производства и занятости Казахстан вышел на латиноамериканские, а Таджикистан - на африканские структурные пропорции. Ненормально высокий же вклад сферы услуг в производство ВВП Таджикистана объясняется кризисным состоянием сельского хозяйства, значительная часть продукции которого к тому же, по-видимому, не учитывается официальной статистикой. К структурным пропорциям слаборазвитых африканских стран близок и Кыргызстан.

4.2. Структурные сдвиги в промышленности

В первой половине 90-х гг. кардинальные изменения произошли в промышленном секторе центральноазиатских стран. В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане глубокий спад поразил все отрасли промышленности. Особенно существенно производство сократилось в химии и нефтехимии, легкой и пищевой промышленности, машиностроении и металлообработке, промышленности стройматериалов (см. табл. 1 Приложения к разд. I).

Менее глубокий спад наблюдался в электроэнергетике. Причем Кыргызстану в 1991-2000гг. удалось даже нарастить выработку электроэнергии на 4,9%. Сравнительно лучше складывалась ситуация в Туркменистане, где машиностроение и металлообработка, а также легкая промышленность сумели увеличить выпуск продукции.

Принципиально иная ситуация наблюдалась в узбекской промышленности. Спад распространился здесь лишь на химию и нефтехимию и промышленность стройматериалов. Выпуск в этих отраслях упал на 40%-45% от уровня 1990 г. Однако падение производства в

кризисных отраслях было перекрыто подъемом в топливной и легкой промышленности, и особенно машиностроении и металлообработке. В результате общий индекс промышленного производства в 1995 г. оказался примерно на том же уровне, что и пятилетием ранее. Если же за точку отсчета принять 1980 г., то окажется, что промышленность Узбекистана поступательно увеличивает выпуск продукции на протяжении около двух десятилетий подряд.

Отраслевая неравномерность спада и подъема способствовала серьезным сдвигам в структуре промышленного производства. Существенное влияние на динамику структуры промышленного производства оказали и изменения относительных цен. В наибольшем выигрыше от действия указанных факторов оказались отрасли топливно-энергетического комплекса. В Туркменистане совокупный удельный вес электроэнергетики и топливной промышленности вырос к 1995 г. до 55,3% против 28,6% десятилетием ранее. В Казахстане за тот же период аналогичный показатель поднялся с 13,1% до 39,5%, а Узбекистане - с 7,8% до 28,5%. Даже в Кыргызстане и Таджикистане, не располагающих достаточными запасами углеводородов для развития топливной промышленности, удельный вес отраслей топливно-энергетического комплекса в промышленном выпуске за счет электроэнергетики вырос соответственно до 21,0% и 20,7% по сравнению с 4,4% и 4,8% в начале десятилетия.

Увеличила свою долю в совокупном промышленном выпуске и металлургия. В Таджикистане ее удельный вес в 1985-1995 гг. вырос с 7,6% до 37,8%, Казахстане - с 17,4% до 26,7%, Узбекистане - 4,6% до 11,5% и Кыргызстане - с 2,8% до 10,4%.

К отраслям, удельный вес которых в промышленном выпуске существенно упал, относятся пищевая и особенно легкая промышленность. В Узбекистане совокупный удельный вес этих отраслей сократился в 1995 г. до 29,2% по сравнению с 43,1% в 1985 г., в Казахстана соответствующие показатели составили 12,8% и 34,9%, Туркменистане - 22,4% и 52,8%, Таджикистане - 23,6% и 62,2%, и в Кыргызстане - 38,6% и 54,1%.

Обобщая, следует подчеркнуть несколько принципиальных моментов. Во-первых, по объемам промышленного производства Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан отброшены на десятилетия назад. Имеющаяся в нашем распоряжении статистика позво-

ляет в качестве самой ранней точки сопоставления использовать 1985 г. Однако, судя по многочисленным косвенным свидетельствам, объем промышленного производства во всех четырех государствах упал до уровня середины 70-х гг., а в некоторых отраслях и того ниже.

Во-вторых, во всех центрально-азиатских странах происходит упрощение отраслевой структуры промышленного производства. Особенно выпукло примитивизация индустриального сектора проявляется в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане. В Казахстане в 1999 г. всего на три индустриальных отрасли - металлургию, топливную промышленность и электроэнергетику, пришлось около 70% совокупного промышленного выпуска. В Таджикистане аналогичный показатель в том же году составил более 58%. В Туркменистане в 1995 г. топливно-энергетические отрасли и электроэнергетика обеспечивали более 55% промышленного производства. Помимо всего прочего это означает, что обрабатывающая промышленность сжалась более значительно, чем добывающая. В меньшей степени тенденция к примитивизации индустриальной структуры затронула узбекскую промышленность.

В-третьих, во всех центрально-азиатских экономиках, за исключением узбекской, из промышленного сектора оказались вымыты машиностроение и металлообработка. В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане вклад этой отрасли в промышленный выпуск упал до менее 5%.

4.3. Снижение производительности труда

При том, что структурные сдвиги в производстве и занятости в центральноазиатских странах развиваются в целом в одном направлении, скорости сокращения производства и высвобождения занятости серьезно не совпадают. Это несовпадение хорошо просматривается на примере трех стран региона, обеспеченных более надежной статистикой (см. табл. 2). В Казахстане при сокращении ВВП в 1990-2000 гг на 30,8% совокупная занятость уменьшилась лишь на 18,6%. В Кыргызстане и Узбекистане при сокращении производства на 33,8% и 1,5% занятость увеличилась на 1,1% и на 13,1% соответственно.

Рост занятости на фоне падения производства или более медленное в сравнении с сокращением ВВП высвобождение рабочих рук

свидетельствует о снижении качества роста. Если допустить, что производительность труда, понимаемая как объем выработки на одного работника, оставалась бы в 2000 г. на уровне 1990 г., то окажется, что в Казахстане избыточная занятость достигает 919 тыс. чел., что составляет примерно 15% совокупной рабочей силы. Для Узбекистана аналогичные показатели составляли 1,16 млн и 13%, Кыргызстана - 610 тыс. и 35%.

Таблица 2

Глубина сокращения производства и занятости в 1990-2000 гг., %

	Казахстан		Кыргызстан		Узбекистан	
	Производство	Занятость	Производство	Занятость	Производство	Занятость
Вся экономика	-30,8	18,6	-33,8	+1,1	-1,5	+13,1
- сельское хозяйство	-47,4	-22,6	-12,7	+63,3	-0,1	+3,0
- промышленность и строительство	-42,5	-53,7	-49,7	-58,5	+24,7	-6,7
- услуги	-15,2	+8,8	-41,9	-8,4	-14,9	+36,9

Рассчитано по см источники к табл I настоящей главы, а также к табл 1 гл 3

При этом не следует забывать, что и к началу десятилетия значительная часть рабочей силы в бывших советских республиках была избыточной, что особенно справедливо для сельского хозяйства.

В случае восстановления уровня производительности труда, достигнутого в 1990 г., в Казахстане на рубеже веков лишними оказались бы как минимум 47% занятых в аграрном секторе. Для Узбекистана и Кыргызстана соответствующие показатели составляют 3% и 47%.

Таким образом, важнейшей чертой развития центральноазиатских государств в 90-е гг. стали как почти повсеместное заметное снижение производительности труда, так и масштабное перемещение рабочей силы в сектора экономики, отличающиеся как абсолютно, так и относительно низкой его производительностью.

В Казахстане в 1995г. производительность труда по экономике в целом составляла всего 71% от уровня 1990 г. (см. табл. 3). Производительность труда в промышленности и строительстве упала на 19%, а услугах - на 31%.

В Кыргызстане производительность труда упала значительно глубже, чем в Казахстане. При этом особенно существенно она понизилась в сельском хозяйстве и промышленности и строительстве. В сравнении с Казахстаном и Кыргызстаном ситуация с производитель-

ностью труда в узбекской экономике, особенно во вторичном секторе, выглядела более благополучно.

Таблица 3

Динамика производительности труда в государствах Центральной Азии (1990=100)

	1990	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Казахстан							
Вся экономика	100	71	71	73	76	78	85
-сельское хозяйство	100	68	66	59	54	70	68
-промышленность и строительство	100	81	88	103	106	110	124
-услуги	100	69	68	70	73	72	78
Кыргызстан							
Вся экономика	100	54	57	62	62	62	65
-сельское хозяйство	100	47	52	51	54	52	53
-промышленность и строительство	100	58	68	100	110	112	121
-услуги	100	62	60	61	55	60	63
Узбекистан							
Вся экономика	100	76	76	77	82	85	87
-сельское хозяйство	100	80	75	79	84	95	97
-промышленность и строительство	100	117	119	123	125	127	134
-услуги	100	58	61	63	63	69	70

Рассчитано по данным источников к табл 1 и 2.

В 1996-2000 гг. производительность труда по экономике в целом повысилась во всех рассматриваемых странах. В Узбекистане производительность труда выросла во всех секторах. Производительность труда и в промышленности, и строительстве в Казахстане и Узбекистане повысилась в сравнении с началом 90-х гг. соответственно на четверть и более чем на треть.

Наметившиеся сдвиги к лучшему пока не столь значительны и тем более продолжительны, чтобы можно было говорить о преодолении негативных тенденций предыдущих лет. В аграрном секторе и сфере услуг в Кыргызстане производительность труда застыла на низком уровне.

При неизбежном сокращении производства, особенно во вторичном и третичном секторах, снижение производительности труда было столь же неизбежным. Показательно, однако, то обстоятельство, что характеристики эффективности выживших в процессе распада единой советской экономики и рыночной трансформации производств оказываются пока хуже в сравнении с советским периодом. Повышение производительности труда во вторичном секторе всех трех стран не стоит переоценивать. Оно обеспечено ростом экспортной добывающей промышленности, отличающейся крайне низкой трудоемкостью.

4.4. Уровень развития

Масштабное сокращение производства, сопровождающееся регрессивной перестройкой его структуры при параллельном снижении производительности труда, не могло не сказаться на уровне экономического развития государств Центральной Азии. Этот уровень принято обычно измерять через показатель среднедушевого ВВП. В распоряжении исследователей имеются две основные базы данных валового внутреннего продукта на душу населения. Во-первых, расчеты по официальному обменному курсу, во-вторых, грубые прикидки в международных долларах с учетом паритетов покупательной способности национальных валют.

4.4.1. Среднедушевой ВВП по официальному обменному курсу

В первой половине 90-х гг. обвальная либерализация национальных экономик, включавшая в качестве ключевого элемента либерализацию обменного курса, породила хорошо известный из практики развивающихся стран эффект "перелета" (overshooting), когда мощный шок либерализации задирает стоимость твердой конвертируемой валюты много выше гипотетического равновесного уровня. В свою очередь, "недооценка" слабой местной валюты уменьшает объем валового внутреннего продукта в номинальных долларах. В постсоветских государствах эффект "перелета" был дополнительно усилен распадом единой экономической системы и формированием национальных финансовых систем с нулевого уровня. При этом экономические аген-

ты демонстрировали практически нулевой уровень доверия к вводимым национальным валютам.

В Центральной Азии этот эффект особенно ярко проявился в Казахстане. В 1994 г. ВВП по официальному обменному курсу здесь не превышал 12 млрд долл., что почти в два раза уступает среднему показателю за 1996-1998 гг. (см. табл. 4).

По мере укрепления самостоятельных экономик и финансов происходит повышение стоимости национальной валюты, что в свою очередь ведет к увеличению номинального долларowego ВВП. В Казахстане стабилизация ВВП, выраженного в номинальных долларах, произошла в 1996 г. на третий год после введения тенге. В Кыргызстане, который ввел национальную валюту несколько месяцами ранее Казахстана, долларовой выражение валового внутреннего продукта также относительно стабилизировалось с 1996 г., то есть на третий год после введения сома.

Дальнейшее поведение официального обменного курса, а значит и долларовой оценки ВВП, зависит уже не столько от либерализационных шоков, интенсивность которых заметно ослабевает, сколько от внутренней инфляции и, главное, от динамики экспорта и состояния платежного баланса. Важно и то, насколько реалистичным оказывается тот уровень обменного курса, который изначально избирается денежными властями в качестве номинального якоря для стабилизации инфляции. В Кыргызстане, например, рост стоимости национальной валюты сома в 1995-1996 гг. наблюдался на фоне изначально нерелистично завышенного номинального обменного курса, а также весьма ограниченного увеличения экспорта и глубоко отрицательного сальдо платежного баланса. Стабилизация обменного курса в таких условиях была обеспечена исключительно за счет наращивания внешних заимствований. Не удивительно поэтому, что в 1997-1998 гг. денежные власти этой страны были вынуждены проводить контролируемые девальвации национальной валюты. В результате в 1997 г. номинальный долларовой ВВП Кыргызстана сократился на 3% по сравнению с предыдущим годом, а в 1998 г. - еще на 8%.

В 1999 г. из-за падения мировых цен на золото, ставшего основным экспортным товаром Кыргызстана, а также глубокой девальвации национальных валют в России и Казахстане, остающихся ведущими внешнеторговыми партнерами самой маленькой центральноазиатской

страны, номинальный обменный курс сома относительно доллара продолжил свое падение.

Таблица 4.

ВВП и ВВП на душу населения в странах Центральной Азии

	Мировой банк*	Национальная статистика						
	1990	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
ВВП, млрд долл								
Казахстан	43,2	11,8	16,65	21,0	22,2	22,1	16,9	18,2
Кыргызстан	6,8	1,1	1,5	1,8	1,8	1,6	1,2	1,3
Таджикистан	5,9	0,8	0,65	1,05	0,925	1,3	1,1	1,0
Туркменистан	6,0	3,15	9,7	2,2	2,7	2,7	3,3	4,3
1/ официальный курс			2,5	2,0	2,1	2,0	1,6	1,4-1,7
2/ курс черного рынка								
Узбекистан		6,5	10,2	13,9	14,7	14,3	16,4	13,5
1/ официальный курс		3,4	7,8	8,8	6,5	5,9	4,0	4,15
2/ курс черного рынка	27,1							
ВВП на душу населения, долл								
Казахстан	2600	715	1050	1350	1445	1470	1130	1225
Кыргызстан	1570	250	330	395	375	340	260	260
Таджикистан	1130	140	110	180	155	215	180	160
Туркменистан**								
1/ официальный курс	1650	720	2400	535	640	630	755	980
2/ курс черного рынка		780	620	480	505	480	375	325-395
3/ среднее значение		750	1510	510	570	555	565	680-700
Узбекистан								
1/ официальный курс	1340	295	445	600	620	595	675	550
2/ курс черного рынка		155	345	380	275	245	165	170
3/ среднее значение		225	395	490	445	420	420	360

* - ВВП и ВВП на душу населения, рассчитаны по методике Мирового банка, позволяющей сгладить резкие конъюнктурные колебания текущего обменного курса.

** - по Туркменистану использованы собственные оценки численности населения и параллельного обменного курса на 2000 г.

Подсчитано по: European Bank for Reconstruction and Development Transition Report. 1999. P. 277; Measuring the Incomes of the Former Soviet Union. P. 3-4, источникам к табл 1 гл 3, а также данным табл 10 гл 2.

На настоящий момент представляется, что реалистичный уровень ВВП Кыргызстана в номинальных долларах находится в пределах 1,0-1,2 млрд долл. Однако удручающее состояние платежного баланса и продолжающаяся ухудшаться ситуация с внешней задолженностью дают основания и для более пессимистичных выводов. Вполне вероятно, что в ближайшие годы Кыргызстан на условной шкале развития сдвинется дальше вниз. В решающей степени уровень развития этой страны будет определяться динамикой экспорта на платежеспособные рынки.

Не вышел на устойчивые параметры и долларовой ВВП Казахстана. В 1996-1998 гг валовой внутренний продукт этой страны коле-

бался в районе 22-23 млрд долл. Однако неблагоприятная экспортная динамика в 1998-1999 гг. вкуче с девальвацией российского рубля вынудили казахские власти отказаться в апреле 1999 г. от поддержки прежнего курса тенге.

Похоже, что в нынешнем своем состоянии казахская экономика в долларовом эквиваленте не выходит за пределы 19-20 млрд долл., что составляет примерно 1200-1300 долл. в среднедушевом выражении. Стоит особо отметить, что рост среднедушевого ВВП Казахстана в номинальных долларах во многом объясняется и тем, что население страны не растет, а сокращается.

При продолжении наметившейся тенденции к росту физических объемов нефтяного экспорта и в случае сохранения высоких мировых цен на энергоносители, казахский ВВП в долларовом эквиваленте может восстановиться до US\$22-23 миллиардов и даже превзойти эту планку, что автоматически потянет вверх и среднедушевой ВВП, который может достигнуть UD\$1500.

Менее ясна ситуация в трех других государствах Центрально-азиатского региона. В Таджикистане в 1998 г. долларовый ВВП достиг своего максимума и составил 1,317 млрд долл. Однако в 1999-2000 гг. он откатился примерно на уровень 1996-1997 гг. Не исключено, что при том, что 90-95% населения существуют вне рамок денежной экономики, а последняя ограничивается производством алюминия, золота и экспортом хлопка, здесь рано или поздно удастся поддерживать среднедушевой ВВП в пределах 200-250 долл., что дает 1,2-1,5 млрд долл. в абсолютном выражении. Выйти на более высокие показатели Таджикистану, вряд ли, удастся.

Еще труднее оценить параметры узбекской экономики. В этой стране действует система множественных валютных курсов. Основными являются курс Центрального банка, на который ориентируются экспортно-импортные контракты, осуществляемые в рамках централизованных государственных программ, коммерческий курс, используемый для прочих экспортно-импортных операций, и свободный курс "черного" рынка, по которому в действительности рассчитываются между собой экономические агенты. Курс черного рынка также задает фактический уровень потребительских цен.

При этом разрыв между официальным курсом и курсом "черного" рынка до 2000 г. постоянно нарастал. Если базироваться на офици-

альном обменном курсе, то ВВП Узбекистана в 1996-1998 гг. незначительно колебался в пределах 14-15 млрд долл., что дает среднедушевой показатель в 600-630 долл. Если же взять за основу курс "черного" рынка, то долларовой ВВП страны в 1996-1998 гг. заметно сократился и составил в конце обозначенного периода около 6 млрд долл. В среднедушевом выражении это составляет всего 250 долл.

В 1999 г. по официальному курсу узбекский ВВП вырос до 16,4 млрд долл. Получается, что по размерам валового внутреннего продукта Узбекистан в приблизился к Казахстану, что представляется абсолютно невероятным. Зато по курсу черного рынка узбекский ВВП просел всего до 4 млрд долл., что также, вряд ли может быть принято всерьез. Тем не менее, в 2000 г. ВВП Узбекистана по параллельному обменному курсу застыл на низком уровне, а по официальному - сократился до всего 13,5 млрд долл.

На наш взгляд, курс доллара на "черном" рынке Узбекистана излишне завышен. В случае либерализации политики обменного курса, последний, по-видимому, стабилизируется где-то посередине между официальным и "черным" курсом. Если это предположение верно, то размеры узбекского ВВП в долларовом эквиваленте находятся в пределах 10-11 млрд долл., что дает около 450 долл. в среднедушевом выражении. Косвенно о реалистичности этих цифр свидетельствует среднедушевой ВВП Кыргызстана. Даже чисто визуальное сопоставление кыргызской и узбекской экономик говорит о том, что по уровню развития последняя, безусловно, обходит первую.

Не менее запутана ситуация в Туркменистане, который отличается наименее надежной статистикой в центральноазиатском регионе. Как было продемонстрировано в гл. 2, даже демографическая статистика этой страны отличается низкой достоверностью. Дополнительные сложности в определении истинных размеров туркменской экономики и уровня ее развития вносят статистика национальных счетов и административное управление обменным курсом маната. Туркменистан - единственное постсоветское государство, не поддерживающее практически никаких отношений с Международным валютным фондом и Мировым банком. Не получая квалифицированной помощи международных специалистов, местная статистическая служба испытывает серьезные трудности в оценке валового внутреннего продукта. Надежность официальных оценок столь низка, что даже менее требо-

вательный к качеству поставляемого статистического материала Статистический комитет СНГ прекратил с 1998 г. публикацию информации по системе национальных счетов Туркменистана.

Особые проблемы оценки ВВП связаны с резкими колебаниями физических объемов производства природного газа и соответственно его экспорта. Вдобавок в Туркменистане сохраняется административный контроль над обменным курсом, причем с 1998 г. этот контроль был дополнительно усилен.

С учетом всех этих обстоятельств расчеты по Туркменистану проведены в максимально возможном количестве вариантов. Нам представляется, что валовой внутренний продукт этой страны в 1998 г. составлял около 2 млрд долл. или 450 долл. в среднедушевом измерении. Иначе говоря, по уровню развития Туркменистан вместе с Узбекистаном с большим отрывом следовал за региональным лидером - Казахстаном. Причем в случае нахождения эффективных экспортных рынков для природного газа Туркменистан может практически мгновенно догнать лидера. Фактически это и произошло в 2000 г., когда среднедушевой туркменский ВВП по официальному обменному курсу приблизился к 1000 долл., а по параллельному - составил около 700 долл.

На 2000 г. по среднедушевому ВВП центрально-азиатская пятерка ранжируется в следующей последовательности: Казахстан - 1225 долл., Туркменистан - 680-700 долл., Узбекистан - 360 долл., Кыргызстан - 260 долл. и Таджикистан - 160 долл. Если исключить Казахстан, наши оценки уровня развития центрально-азиатских государств несколько скромнее тех, которые обычно дают международные финансовые организации. В силу самых разных причин в ближайшие годы будет сохраняться большая неопределенность относительно экономических параметров в транзитных странах.

4.4.2. Среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности национальных валют

Анализ уровня развития новых независимых государств был бы неполным без обращения к среднедушевым показателям ВВП, рассчитанным с учетом паритетов покупательной способности национальных валют (ППС). Различные способы исчисления ППС, как и экономико-Математические характеристики этого метода, в деталях описаны в спе-

циальной и прикладной литературе². С середины 70-х гг. паритеты покупательной способности рассчитываются по большому кругу государств и утвердились в качестве стандартного инструментария для проведения международных сопоставлений. Считается, что метод ППС позволяет более точно установить уровень развития отдельных стран, а также ранжировать государства на условной шкале мирового развития. Ориентирование же на показатели, полученные на базе текущих обменных курсов, чревато серьезными искажениями и ошибками.

В последнее время ППС все чаще используются и в качестве критически важного параметра при выработке экономической политики. В частности, предполагается, что через регулирование отношения текущего обменного курса национальной валюты к ее ППС можно обеспечить разворот экономики в сторону экспортно-ориентированного/вовне ориентированного или импортозамещающего/внутри ориентированного развития. Для реализации первого варианта экономическим властям необходимо занижать текущий обменный курс национальной валюты относительно паритета ее покупательной способности, для реализации второго варианта - напротив, поддерживать это соотношение на уровне, близком к единице. Некоторые экономисты рассматривают заниженный курс валюты относительно ее ППС в качестве универсального средства экономической политики, способного обеспечить одновременный рост сбережений, инвестиций, производства и экспорта³.

В то же время в приложении к постсоветским экономикам в методе ППС обнаруживаются, на наш взгляд, имманентно присущие ему дефекты, которые зачастую игнорируются или недостаточно учитываются при анализе. Речь идет не только о недостаточной достоверности первичных расчетов, но и о встроенных особенностях самого метода расчета ППС, создающих искаженное представление о действительных масштабах экономической деятельности в транзитных экономиках.

Начнем с тривиальных констатации. Если обратиться к любой международной базе данных, охватывающих достаточно представительный массив государств, то окажется, что показатели ВВП, рассчитанные по той или иной методике ППС, отличаются от аналогичных показателей, рассчитанных напрямую через официальные обменные курсы национальных валют (см табл 2 Приложения к разделу I). Исключением, как правило, являются США, которые используются в ка-

честве модельной страны для статистической калибровки всех остальных экономик. При всех алгебраических ухищрениях, которыми изобилуют методики получения ППС, показатели по отдельным странам взвешиваются относительно единой базы, в качестве которой выступает американская экономика. Иначе говоря, структура конечного спроса и ценовой уровень последней налагаются на другие экономики. Непосредственно в расчетах фигурируют, как правило, так называемые "международные цены", но в действительности последние представляют цены, превалирующие в экономике США.

При параллельном рассмотрении двух рядов ВВП - по официальному обменному курсу и ППС - по большому массиву стран в глаза бросается следующее. Во-первых, в группе развитых стран разница между двумя показателями минимальна. Единственные заметные исключения в этом плане - Швейцария, Япония, Норвегия, Швеция и Германия, валовой внутренний продукт которых по ППС более чем на треть ниже аналогичных показателей, рассчитанных по официальным обменным курсам. Во многом это следствие "ненормального" состояния рынка недвижимости. Цены на офисные и жилые помещения в этих странах, особенно в японских городских конурбациях, слишком выбиваются из тех пропорций, которые типичны для большинства развитых стран. В целом ценовой уровень в этих странах заметно отличается от эталонного.

Кстати, показатели по странам Северной Европы, многие из которых являются крупными экспортерами, а также Германии и Японии, экономики которых в значительной степени ведутся экспортным спросом, свидетельствуют об отсутствии жесткой связи между уровнем курса национальной валюты относительно ее ППС и экспортными успехами. Ни в Германии, ни в Японии, ни в Швейцарии завышенный относительно ППС текущий обменный курс национальной валюты не оказывает заметного угнетающего воздействия на экспорт

И все же в ведущих развитых странах соотношение текущего обменного курса и ППС, как правило, близко к единице. Среди семерки крупнейших экономик мира отклонения текущих курсов от паритетов покупательной способности заметны только в уже упоминавшихся Японии и Германии.

Во-вторых, практически по всему массиву развивающихся стран показатели ВВП по ППС существенно выше аналогичных показате-

лей по официальным обменным курсам национальных валют. Такое расхождение обычно объясняется различиями в стоимостной оценке продукции сферы услуг (в более широком плане всех "non-tradeables") в развитой и слаборазвитой экономике. При производстве услуг интенсивно используется живой труд, который в развивающихся странах относительно дешев, поэтому ценовой уровень в развитых странах выше". Причем чем ниже уровень развития, тем более недооценены услуги. Использование же цен из более развитых экономик автоматически подкидывает добавленную стоимость в третичном секторе, а значит, и ВВП в целом, вверх.

Обобщая, можно сказать, что расхождения между альтернативными рядами валового внутреннего продукта по текущим обменным курсам национальной валюты и паритету их покупательной способности тем больше, чем больше внутренние абсолютные и относительные цены в той или иной стране отличаются от эталонных. Еще раз повторимся, что сама логика калькуляции ППС такова, что автоматически навязывает ценовые уровни и вес (структуру) конечного спроса развитых стран менее развитым.

Те же закономерности проявляются и в транзитных экономиках. Расчеты по методу ППС многократно увеличивают абсолютные, а значит и душевые, показатели ВВП во всех постсоветских странах. Из этого как бы автоматически следует вывод о том, что показатели, полученные на основе текущих обменных курсов, существенно занижают масштабы экономической активности в странах СНГ, а значит, и уровень развития последних. Особенно это справедливо в отношении таких наименее развитых постсоветских экономик, как армянская, кыргызская и таджикская. Их ВВП по текущему курсу в 3-4 раза уступает аналогичному показателю, полученному на основе ППС.

Однако некритическое использование методики ППС способно внести серьезные искажения в оценку экономической ситуации на постсоветском пространстве.

Дело в том, что сама методика получения ППС идеально подходит для преувеличения масштабов экономической активности, а значит, и уровня развития в затратных нерыночных экономиках с виртуальной системой внутренних цен, оторванных от какой-либо объективной основы⁵. Точнее говоря, ППС не в состоянии уловить искусственную природу значительной части экономической активности, под-

держиваемой в хозяйственных системах советского и переходного типа. Ключевое значение в контексте рассматриваемого сюжета имеет сохраняющаяся глубочайшая искаженность ценового уровня в постсоветских экономиках и вытекающее из этого масштабное использование топливно-энергетического сектора в качестве всеобщего донора. Корнями это явление уходит в недавнее прошлое. Советская хозяйственная система была выстроена для обеспечения форсированной индустриализации и обслуживания тяжелой, преимущественно военной, промышленности. При этом она отличалась чрезвычайно низким уровнем цен на энергоносители и электроэнергию. Так, в начале 1990 г. внутренняя оптовая цена одной тонны сырой нефти составляла всего 26 руб. или 15,2 долл. даже по многократно завышенному официальному обменному курсу. Во столько же обходилась потребителям и тысяча кубометров природного газа, стоимость же тонны угля составляла 12,2 руб. или 7,1 долл.⁶ В конце 1991 г. внутренняя цена нефти составляла всего 0,4% мировой⁷. В силу фантастически заниженных относительно преобладающих в мире внутренних цен на первичные энергоносители и электроэнергию энергетический сектор в течение десятилетий выполнял роль донора сельского хозяйства, промышленности и населения. Более того, военно-промышленный комплекс, а также значительная часть бюджетной сферы потребляли электроэнергию и нефтепродукты практически бесплатно.

В принципе, ценовые искажения присущи всем экономикам. Однако в подавляющем большинстве государств мира цена первичных энергоресурсов достаточно унифицирована. К тому же в нормальной экономике нерыночные секторы составляют лишь относительно малую часть совокупного производства и потребления.

Иное дело советская тотально нерыночная экономика. Оценки ВВП по ППС для нерыночной системы показывают не масштабы экономической деятельности, которые она приобрела бы в стандартных рыночных условиях, а масштабы потребления ресурсов. Часть этого потребления, причем часть весьма значительная, в рыночных условиях оказывается попросту излишней. Во многом производственный спад, охвативший постсоветское пространство в 90-е гг., как раз и является статистическим отражением избавления от производств, избыточного в новой системе цен (=производственных издержек) и изменившейся конфигурации спроса. Причем, учитывая то обстоятельство, что топ-

тивно-энергетический комплекс и электроэнергетика стоят в начале производственных цепочек, в сложных диверсифицированных экономиках (пусть даже на нерыночных принципах) движение к стандартным ценовым уровням и пропорциям провоцирует особенно глубокий производственный обвал.

Здесь уместен пример бывшей ГДР. В 1990 г. после воссоединения Германии ВВП в восточных землях упал на 55%, а среднедушевой ВВП сократился в 2,2 раза⁸. Понятно, что ни одна страна не способна без катаклизмов вынести мгновенную экономическую катастрофу такого масштаба. Даже в 1940-1945 гг. ВВП Франции сократился на 38%, а Италии - на 44%⁹. Однако нельзя говорить и о том, что падение восточно-германского ВВП было виртуальным. Просто в результате перехода от плановой экономики к рыночной экономика была автоматически переоценена, исходя из новых условий функционирования. Оказалось, что в этих новых условиях значительная часть производства не имеет шанса на существование, а другая его часть оценена рынком с понижающим относительно гипотетического равновесного ценового уровня коэффициентом.

В большинстве постсоветских экономик внутренние цены были либерализованы, но практически повсюду цены на первичные энергоресурсы вплоть до настоящего времени не вышли на господствующие в мире уровни. Десять лет рыночной трансформации модифицировали, но не устранили полностью ценовых искажений даже в тех странах, которые пошли на максимальную либерализацию. Следовательно, все вышесказанное о методике ППС в применении к советской хозяйственной системе сохраняет свое значение и для экономик переходных. И здесь оценки по ППС в значительной мере показывают потребление первичных ресурсов, которые ни при каких обстоятельствах не могут сохраниться в случае перехода к рыночной системе хозяйствования.

Непродолжительный период часть избыточного производства и потребления может поддерживаться на плаву за счет такого специфического компенсаторного механизма как неплатежи. Причем, как уже отмечалось в гл. 3, в случае ликвидации навеса неплатежей падение производства, ввиду плотности и густоты межотраслевого взаимодействия через прямые и обратные связи, может оказаться существенно

выше, чем это показывает отношение просроченной кредиторской задолженности к ВВП.

Неспособность методики ППС улавливать принципиальные различия между рыночными и нерыночными экономическими системами заставляет очень осторожно подходить к среднедушевым показателям ВВП по постсоветским экономикам, полученным с опорой на паритеты покупательной способности национальных валют. На пространстве СНГ был поставлен своеобразный эксперимент, опытным путем продемонстрировавший недостатки этой методики. Как только Армения, Грузия, Кыргызстан, Таджикистан и некоторые другие бывшие советские республики лишились, хотя и не полностью, доступа к дешевым энергоресурсам, их экономики практически мгновенно свернулись. Рассчитывать на то, что в обозримые исторические сроки им удастся компенсировать потерю прежних ресурсов за счет создания новых конкурентных производств, не приходится. Не помог им и такой временный компенсаторный механизм, как внешний долг.

Не менее важно и другое. При всей их несомненной полезности оценки по ППС мало пригодны для выработки конкретных мер и параметров экономической политики. Некритическое отношение к методике ППС при формировании политики обменного курса в России в 1995-1998 гг. стало одной из причин финансово-экономической катастрофы августа 1998 г. В качестве теоретического обоснования политики так называемого «валютного коридора» ее авторы апеллировали к расчетам по паритету, ошибочно полагая, что ограниченный верхней и нижней границами колебаний текущий курс рубля на тот момент был сильно занижен в сравнении с паритетом его покупательной способности, а потому якобы обладал большим запасом прочности от неожиданных колебаний¹⁰. В их глазах это придавало необходимую устойчивость для всей конструкции проводимого экономического курса, в конечном счете завершившегося финансово-экономической катастрофой.

В ситуации, когда экономика потеряла или еще не обрела надежных ориентиров развития, понятно желание отыскать некий солидный якорь, позволяющий завязать на него ключевые параметры макроэкономической политики. Однако формализовать с достаточной точностью взаимосвязь между текущим обменным курсом национальной валюты и ее паритетом не представляется возможным. С одной стороны, это исключено даже технически. Как справедливо отмечает

в числителе данные Мирового банка, в знаменателе - данные Программы развития ООН, 1994 и 1995 данные Мирового банка, 1998 в числителе данные Мирового банка, в знаменателе-данные Международного валютного фонда 1999 данные Статистического комитета СНГ.

Составлено по World Economic Outlook, October 1999. P. 68; World Development Report: 1999/2000. P. 230-231; 1998/1999. P. 190-191; 1997. P. 214-215, 248; 1996. P. 210-211; 1995. P. 220-221; 1994. P. 220-221; Transition, August 1999. Vol. 10. № 4. P. 21; Human Development Report. 1996. P. 135-136; Россия в меняющемся мире. 1997. С. 13. 205; Илларионов А. Бывшие советские республики в мировой системе экономических координат... С. 132-133; Содружество Независимых Государств. Статистический ежегодник 1999. С. 87.

Рассматривать ППС в качестве некоей универсальной цены национальной валюты - это значит разрушать всю ту сумму допущений и гипотез, в рамках которых только и оперирует современная экономическая наука.

Дополнительное использование ППС в качестве инструмента для определения уровня развития постсоветских экономик затруднено в силу слабой состыкованности различных баз данных. В распоряжении исследователей имеется несколько независимых оценок масштабов экономической активности в постсоветских государствах, которые получены с учетом паритетов покупательной способности национальных валют. К наиболее авторитетным относятся оценки Программы развития ООН, Мирового банка, Международного валютного фонда и Статистического комитета Содружества независимых государств С определенной регулярностью публикуют свои оценки и известные российские специалисты (см. табл 5).

Сразу же бросается в глаза заметный разброс показателей по отдельным странам в различных базах данных. Так, оценка Мировым банком среднедушевого ВВП Узбекистана на 1998 г на 37% превосходила оценку, сделанную Международным валютным фондом Для Казахстана на тот же год первая оценка была, напротив, на 21% ниже второй. В то же время различия в данных двух международных организаций по Кыргызстану и Таджикистану на тот же год не выходили за пределы статистической погрешности.

Заметное расхождение оценок типично и для статистических рядов, которые выполнены, казалось бы, по единой или близкой методике. Например, если вернуться к различным вариантам оценок А. Илларионова по советским республикам на 1990 г, то окажется, что в более поздних расчетах казахский ВВП на душу населения отно-

сительно российского показателя вырос по сравнению с более ранним вариантом более чем на 15%. Изменения же оценок по Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану оказались в пределах статистических ошибок. Даже учитывая то обстоятельство, что более ранние оценки сделаны в ценах 1985 г., а более поздние - в ценах 1993 г., логично было бы предполагать, что высоко агрегированные индикаторы по бывшим советским республикам должны изменяться более или менее синхронно.

Удивляться разною в оценках масштабов экономической активности в менее развитых странах мира не приходится. Здесь действует общее правило, подмеченное А. Мэддисоном - чем ниже уровень развития, тем больше дисперсия между альтернативными оценками по ППС. Правда, он связывает эти расхождения с различиями в методиках получения паритета покупательной способности¹². Мы же считаем, что это преимущественно следствие тех трудностей, которые возникают при попытках оценить параметры слабо развитой экономики по меркам экономик развитых. При определении же параметров нерыночной экономики, как и экономики с вкраплением масштабного нерыночного сектора, методика ППС дает еще большие искажения.

Другое дело, что наличие альтернативных, зачастую существенно несовпадающих, оценок открывает широкий простор для аналитических спекуляций. Становится возможным позиционировать постсоветские государства на условной шкале развития в зависимости от субъективных или политических предпочтений. Так, апеллируя к рядам ВВП по ППС, можно утверждать, что Беларусь по уровню экономического развития обгоняет Россию. Это прямо следует из данных за 1992 г. (столбцы V и VI табл. 6), 1993 г. (столбец VII), 1997 г. (столбцы XI и XII) и 1999 г. (столбец XV). Между тем предельно очевидно, что уровень развития российской экономики значительно выше, чем белорусской. Более того, последняя только и существует благодаря субсидируемым (а нередко и бесплатным) поставкам российских энергоносителей по ценам существенно ниже среднемировых.

Стоит ли говорить, что сама возможность делать субъективные, порой взаимоисключающие, выводы девальвирует методику ППС в качестве надежного инструмента экономического анализа. Что же реально дает методика ППС?

Таблица 6

*Уровень ВВП/ВНП на душу населения в государствах СНГ
по паритету покупательной способности национальных валют
(Россия=100)*

	1990			1991			1992			1993			1995			1996			1997			1998		1999	
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	xiv	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV
Россия	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Беларусь	97	96	91	96	105	110	124	89	94	75	116	111											95	101	
Украина	79	74	75	74	75	81	90	68	54	49	52	50											50	49	
Молдова	65	67	56	69	49	62	57	50		31													30	29	
Армения	69	66	110	72	39	40	40	43	50	24	54	54											33	34	
Грузия	63	63	97	81	37			35	37	33	36	47	45										51	44	
Туркменистан	47	48	65	46	30	64			66														49	58	
Азербайджан	52	47	45	62	44	43	43	46	33	24	36	35	46	34	35								46	34	35
Кыргызстан	47	44	51	44	43	45	46	49	40	27	49	51	56	36	35								56	36	35
Казахстан	59	69	84	88	70	77	73	78	67	59	79	81	86	66	75								86	66	75
Узбекистан	38	36	52	56	38	42	50	53	53	27	58	58	73	33	33								73	33	33
Таджикистан	30	32	46	37	24	32	27	29	21	II	22	26	25	14	14								25	14	14

Подсчитано по: I - данные А. Илларионова в ценах 1985 г / Бывшие советские республики. С. 132-133;

II-данные А. Илларионова в ценах 1993 г / Россия в меняющемся мире. 1997. С. 189,197, 205;

III- данные Б. Болотина / Measuring the Incomes of Economies of the Former Soviet. P. 20;

IV - данные Б. Болотина - реконструировано из Maddison A. Monitoring the World Economy. P. 142;

V- данные А. Илларионова в ценах 1993 г / Россия в меняющемся мире. 1997. С. 189,197, 205;

VI- данные Мирового банка - см. источники к табл. 5;

VII - данные Мирового банка - см. источники к табл. 5;

VIII- данные программы развития ООН - см. источники к табл 5;

IX - данные Мирового банка - см. источники к табл. 5;

X - данные статкомитета СНГ / Содружество независимых государств в 1998 г. С. 91;

XI - данные Мирового банка - см. источники к табл. 5;

XII - данные программы развития ООН - см. источники к табл. 5;

XIII - данные Мирового банка - см. источники к табл. 5;

XIV - данные Международного валютного фонда - см. источники к табл 5;

XV - данные статкомитета СНГ - Содружество Независимых Государств в 1999 г. С. 87.

Во-первых, она позволяет показать, что ценовая оценка масштабов экономической деятельности в менее развитых, в том числе постсоветских, странах оказалась бы выше, если на них распространить цены и вес конечного спроса стран более развитых. Во-вторых, при использовании ППС уровень развития менее развитых стран заметно подтягивается к уровню развития стран более развитых по сравнению с тем, если бы в качестве калибровочной шкалы использовались бы аналогичные показатели по текущему обменному курсу национальных валют. При этом "эффект подтягивания" особенно заметен, если в ка-

честве эталонной выбирается самая развитая экономика мира, то есть американская (см. табл. 7). Если для сравнения выбрать некую промежуточную страну - в качестве таковой в табл. 7 использована Южная Корея - то "эффект подтягивания" выражен меньше. Более того, если в качестве эталона выбрать менее развитую страну - Мозамбик, который отличается самым низким среднедушевым ВВП в используемой выборке стран, - то "подтягивается" уже менее развитая страна.

Эти два обстоятельства, по-видимому, и обеспечили широкую международную популярность метода ППС. В 70-80-е гг. развивающимся странам важно было продемонстрировать успехи экономического и социального развития после обретения ими в массовом порядке политической независимости. Развитым же странам, по-видимому, импонировала возможность наглядно опровергнуть обвинения в неокOLONIALной эксплуатации бывших колоний и полуколоний и в создании препятствий для успешного развития последних. Метод, позволяющий наглядно продемонстрировать снижение разрыва (gap) в уровнях развития различных групп стран, объективно соответствовал и тому, и другому устремлению.

Таблица 7

*ВВП на душу населения в странах СНГ,
% от уровня страны-эталона*

	США		Южная Корея		Мозамбик	
	I	II	I	II	I	II
Азербайджан	2	5	5	11	567	292
Армения	2	8	5	17	589	438
Беларусь	7	17	20	36	2389	931
Грузия	3	7	8	15	933	381
Молдова	1		4		433	
Казахстан	5	11	13	24	1489	633
Кыргызстан	2	7	4	15	489	392
Россия	10	15	26	31	3044	806
Таджикистан	1	3	3	7	367	190
Туркменистан	2	5	6	10	700	271
Узбекистан	4	9	10	18	1122	471
Украина	4	8	10	16	1156	417

I - по методике Synthetic Atlas-type conversion factor.

II - по паритету покупательной способности национальной валюты.

Подсчитано: см. источники к табл. 2 Приложения к разд. I

Отмеченные закономерности работают в отношении всех менее развитых стран без исключения, поэтому при переходе от показателей по текущим обменным курсам к ВВП по ППС каких-либо существенных перегруппировок на различных этапах мирового развития не наблюдается. Чем менее развита страна, тем заметнее она подтягивается относительно лидеров по уровню развития. Но при этом, как правило, она остается в той же весовой категории, что и в другой шкале измерений. Разница лишь в том, что при переходе к паритетам покупательной способности низший уровень развития несколько сдвигается вверх.

Вышесказанное отнюдь не означает, что использование ППС для описания транзитных постсоветских экономик абсолютно не продуктивно. При прочих равных условиях эти оценки дают возможность составить представление о той верхней планке ВВП и среднедушевого ВВП, которых переходные экономики могли бы достичь в рыночных условиях, если в процессе перехода к рынку им удалось бы избежать производственного спада. Конечно, в реальной действительности эта планка окажется существенно ниже. Причем разница между рассчитанными виртуальными и реальными параметрами окажется прямо пропорциональной глубине рыночных искажений, которые та или иная экономика унаследовала от советского прошлого.

В принципе возможна и иная интерпретация. Высокие оценки абсолютного и среднедушевого ВВП в бывших советских республиках на закате существования СССР, как по ППС, так и официальному обменному курсу, показывают, что в определенных случаях нерыночная модель организации хозяйственной жизни, основанная на подходе к народному хозяйству как единому целому и допускающая серьезные отклонения от рыночных начал, способна дать больший эффект на уровне макроагрегатов, то есть обеспечить большие масштабы экономической деятельности в сравнении с рыночной системой. При переходе на рыночную экономику достичь сопоставимых масштабов экономической активности, во всяком случае в кратко- и среднесрочной перспективе, не удастся в принципе.

Эти обстоятельства, судя по всему, прекрасно осознаются нынешними властями Узбекистана, что заставляет их сохранять советскую экономическую модель, лишь незначительно корректируя ее с помощью косметических новаций. В случае либерализации узбекской экономики ее ожидает глубочайший производственный спад. Другое дело,

что подобную хозяйственную систему можно поддерживать на плаву лишь до тех пор, пока в экономической структуре имеется сектор, бесперебойно генерирующий ресурсы для стимулирования других секторов и участков экономической активности. Для всех среднеазиатских республик и Казахстана, исключая Туркменистан, таким сектором были ресурсы, перераспределяемые внутри экс-советского разделения труда. С исчезновением этих ресурсов начался обвал унаследованных ими хозяйственных структур. Заменить, хотя и не полностью, прежние потоки за счет собственных ресурсов смог лишь Узбекистан.

До тех пор, пока сельское хозяйство, нефтегазовый сектор и золотодобыча будут способны отдавать ресурсы другим сферам народного хозяйства, советская модель организации экономики сохранит в Узбекистане свою жизнеспособность. Однако как только диспропорции в отраслях-донорах достигнут критической массы, экономический обвал станет неизбежным. Этот обвал может быть спровоцирован внешним шоком, выражающимся в глубоком и резком падении мировых цен на экспортное сырье. В этом случае экспортный сектор мгновенно утратит способность играть роль экономического донора. В другом варианте обвал может быть спровоцирован непрерывным на протяжении многих лет изъятием ресурсов из аграрного сектора, что подорвет его воспроизводственные способности. Как известно, советская экономика развалилась в результате наложения внешнего шока на ускоряющуюся деградацию сельского хозяйства.

4.5. Тип развития

От СССР Казахстан и Туркменистан унаследовали индустриально-аграрную, а Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан - аграрно-индустриальную структуру производительных сил. Однако отраслевые пропорции производства сформировались здесь в рамках внутри-союзного разделения труда, безотносительно к размерам внутренних рынков, транспортным издержкам, реальной стоимости рабочей силы, обеспеченности сырьем и промежуточной продукцией.

В Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане обретение независимости, сопровождавшееся экономическим размежеванием республик и достаточно последовательными рыночными реформами (Казахстан и Кыргызстан) или войной (Таджикистан), сломало экономику,

унаследованную от советского прошлого. Туркменистан и Узбекистан отказались от проведения рыночных реформ, поэтому унаследованные структуры здесь в массе своей уцелели. Вместе с тем во всех пяти государствах пропорции производства и занятости все более определяются эндогенными факторами, в первую очередь численностью населения и его покупательной способностью, а также наделенностью природными ресурсами.

Исходя из современных представлений, по численности населения все центральноазиатские страны относятся к малым, а Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан - очень малым государствам, что очень жестко ограничивает возможности создания диверсифицированной и эффективной производственной структуры (см. табл. 8). Согласно имеющимся демографическим прогнозам к 2030 г. население Узбекистана вырастет до 39 млн чел., Казахстана - 22, Таджикистана - 11, а Кыргызстана и Туркменистана - примерно 8 млн чел. Иначе говоря, вся пятерка за исключением Узбекистана останется в категории малых государств.

Дополнительно емкость внутреннего рынка, а значит и возможности построения диверсифицированной экономики, ограничены низким уровнем личных доходов населения. Среднемесячная заработная плата в 2000 г. составляла в Казахстане 94 долл., Узбекистане - 37 долл., Туркменистане - 36 долл., Кыргызстане - 25 долл. и Таджикистане - всего 9 долл. Совокупные потребительские расходы населения составляют в Узбекистане около 6,5 млрд долл., в Казахстане - 2,8 долл., Кыргызстане и Таджикистане - 600-650 млн долл. Внутренний спрос во всех пяти странах заметно сжался по объему и упростился. Подавляющая часть личных потребительских расходов идет на покупку продовольствия и простейших товаров первой необходимости.

Масштабы государственного спроса также ограничены. Крайняя узость налоговой базы не позволяет рассчитывать и на то, что ему удастся аккумулировать достаточный объем ресурсов для стимулирования экономического роста. Во всех странах, за исключением Туркменистана и Узбекистана, резко сжались инвестиционные расходы. Сырьевой сектор повсюду развивается преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций и/или кредитов. Государство фактически не в состоянии поддерживать научно-техническую сферу, а также современные системы образования и здравоохранения.

Таблица 8

Базовые параметры внутреннего рынка в центральноазиатских странах*

	Население, млн. чел., 2000	Совокупные потребительские расходы населения, млн.долл (1999)	Расходы государственного бюджета, млн.долл (1999)	Среднемесячная заработная плата, доля		
				1995	1998	2000
Казахстан	14,8	2775(1996)	3894	79	119	94
Кыргызстан	4,9	650	238	23	54	25
Таджикистан	6,2	578	191	9	12	9
Туркменистан	4,45			43	45	36
Узбекистан	25,0	6455	4051(1996)	31	33	37

* - показатели по Туркменистану и Узбекистану пересчитаны в доллары по среднему курсу официального и черного рынков

Подсчитано и составлено по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 44, 206-207, 221-223, 282, 296-297

За первые десять лет независимого развития структура национальной экономики в основном перестроилась под параметры потребительского спроса и местный сырьевой потенциал. Другим фактором, оказывающим решающее влияние на развитие центральноазиатских экономик, стало демографическое давление (за исключением Казахстана).

В табл. 9 обобщена информация, позволяющая составить представление о типе развития центрально-азиатских экономик. В ней представлены структурные характеристики производства, занятости и внешнеторгового сектора, а также дана самая общая оценка типа господствующей экономической системы.

В международном разделении труда вся пятерка позиционировалась в качестве экспортеров минерального и/или сельскохозяйственного сырья и металлов. Во всех странах региона, за исключением Казахстана, аграрный сектор обеспечивает растущую долю совокупной занятости. Учитывая, что структура ВВП в значительной степени зависит от поддерживаемых в национальной экономике абсолютных и относительных цен, ее интерпретация более проблематична. В Казахстане и Кыргызстане, где превалирует рыночная экономическая система, структура производства достаточно точно отражает хозяйственную

специализацию их экономик. В Туркменистане и Узбекистане структура производства смазана специфической системой внутренних цен.

Разворачивающиеся сдвиги в сфере занятости, которые точнее отражают сущность происходящих перемен в сравнении со стоимостными показателями, позволяют говорить, что в Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане формируются аграрно-сервисный, Казахстане - сервисно-индустриальный, а Туркменистане - индустриально-аграрный тип развития. При этом в Казахстане все возрастающую роль в экономике играет нефть, а Туркменистан как и прежде критически зависит от природного газа.

Таблица 9

Основные характеристики типа развития центральноазиатских экономик

	Специализация в мировой экономике	Ведущие секторы производства	Ведущие секторы занятости	Тип экономической системы
Казахстан	Экспортер минерального сырья и металлов	Услуги, добывающая промышленность	Концентрация избыточной рабочей силы в городском неформальном секторе	Рыночный
Кыргызстан	Экспортер электроэнергии и золота	Сельское хозяйство	Концентрация избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве	Рыночный
Таджикистан	Экспортер алюминия и хлопка-сырца	Услуги, промышленность и строительство	Концентрация избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве	Рыночный
Туркменистан	Экспортер минерального сырья и хлопка-сырца	Промышленность и строительство, услуги	Концентрация избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве	Близкий советской модели середины 50-х-сер 60-х гг XX в
Узбекистан	Экспортер хлопка-сырца и металлов	Отсутствует	Концентрация избыточной рабочей силы в сельском хозяйстве	Слабо модифицированная советская модель

Существуют ли основания полагать, что в обозримой перспективе можно ожидать изменения типа развития, сложившегося в центральноазиатских экономиках? Узость внутреннего рынка, что особенно справедливо в отношении Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, не позволяет надеяться на становление здесь сколько-нибудь диверсифицированной и одновременно эффективной экономической

структуры, нацеленной преимущественно на внутренний спрос. Узбекистан располагает для этого сравнительно более благоприятными возможностями, особенно в долговременной перспективе. Однако при массовой нищете населения размеры внутреннего рынка и в этой стране слишком малы для создания широкого спектра эффективных промышленных производств.

Маловероятно в среднесрочной перспективе и налаживание в странах региона обрабатывающих промышленных производств экспортной направленности в масштабах, сколько-нибудь существенно влияющих на макроэкономические пропорции. В роли основного препятствия на данном пути выступает неудачное географическое положение региона. Узбекистан не просто не имеет выходов к морю, но и по всему периметру своих границ дополнительно заперт отрезанными от морей государствами. Наиболее географически близкие Центральной Азии и относительно более развитые Россия и Китай повернуты к ней своими собственными периферийными экономическими зонами, а потому не могут рассматриваться в качестве перспективных экспортных рынков.

В условиях нарастающей интернационализации и глобализации мирового развития отмеченные негативные последствия неудачного географического расположения, в принципе, преодолимы. Однако его угнетающее воздействие на экономический рост, безусловно, будет давать о себе знать долгое время.

География не единственное препятствие для превращения Центральной Азии в одно из звеньев в мировой обрабатывающей промышленности. Невозможно пройти мимо особенностей местной рабочей силы. При этом положение в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане отличается от ситуации в Узбекистане и Таджикистане. В первых трех государствах, как и почти повсюду в пост-СССР, работники, уже прошедшие «школу социалистического труда», в подавляющей своей массе даже гипотетически не способны послужить основой экспортного рывка на базе притока иностранного капитала. Отсутствие навыков напряженного и монотонного труда и культуры выполнения работ точно и в срок, сложившееся пренебрежительное отношение к качеству продукции, массовое пьянство стали типичными явлениями для советской экономики уже в 80-е гг. Хаос второй половины 80-х - первой половины 90-х гг. привели к крушению промышленной организации. Потеря традиционных поставщиков и рынков сбыта, многолет-

няя недогруженность, а зачастую и полная незагруженность предприятий, развал отраслей военно-промышленного комплекса, в которых качественные характеристики работников отличались от среднего по народному хозяйству уровня в лучшую сторону, ускорили деградацию рабочей силы. Тем более что все эти годы экономической катастрофе сопутствовал глубочайший социокультурный и мировоззренческий кризис.

Относительно низкое в экономическом смысле качество рабочей силы в Казахстане, Кыргызстане и Туркменистане является результатом навязанной им советской модернизации. Социалистическая индустриализация и коллективизация сломали здесь традиционное кочевое и полукочевое скотоводство. Кочевые племена в немыслимо быстрые исторические сроки были переведены на оседлый образ жизни и полностью сменили род экономических занятий. Разрушив традиционную аграрную экономику, взамен советская модель предложила бывшим кочевникам и полукочевникам искусственные формы организации в сельском хозяйстве (колхозы и совхозы) и промышленности (крупное фабричное хозяйство). При этом во всех трех странах основной костяк промышленной занятости составили пришлые, а не местные кадры.

С середины 80-х гг. ускоряющимися темпами идет развал этих нерыночных искусственных форм. Лишившись социально-экономических ниш, занятых в советский период, и не имея возможности вернуться к традиционным досоветским формам организации труда и быта, подавляющая часть населения в трех странах стремительно трансформировалась в люмпенов и маргиналов

Не стоит питать особых иллюзий и в отношении рабочей силы этих стран, которая впервые попадает на рынок труда. В Восточной Азии успех экспортоориентированных обрабатывающих конвейеров обеспечивается нещадной эксплуатацией постоянно обновляемой массы выходцев из сельских районов. На поверхностный взгляд, тот же процесс можно запустить и в Центральной Азии. Однако здесь вступающая в трудовой возраст и выталкиваемая в город молодежь не прошла жесткую школу семейного хозяйства (family based agriculture), как это характерно для всех восходящих азиатских новых индустриальных стран.

Молодые поколения в пост-СССР, и Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан в этом смысле также не представляют собой исключительные случаи, дополнительно развращены всеобщей обязательной

системой образования, которая уже давно превратилась в профанацию, и практически автоматически штампует «грамотных» вне зависимости от индивидуальных интеллектуальных усилий и успехов. Массовый отток из Центральной Азии специалистов и преподавателей, большинство которых составляли лица «нетитульных национальностей», вкуче с обвальным сокращением бюджетных расходов нанес сложившейся системе образования дополнительный удар.

Молодежь, опыт которой (как и опыт старших поколений) подсказывает, что мера жизненного и профессионального успеха абсолютно не связана с индивидуальными трудовыми усилиями, и находящуюся к тому же под мощным влиянием демонстрационного эффекта, задаваемого развитыми центрами Запада, трудно завлечь перспективой тяжелого и низкооплачиваемого труда на современном промышленном конвейере. Наиболее активная и деятельная ее часть нашла высокодоходные ниши в формирующемся частном секторе, представительствах иностранных компаний и организаций, в крайнем случае челночной торговле. Эта прослойка будет готова составить ядро менеджеров и управляющих современных капиталистических предприятий. Проблема заключается, однако, в том, что для экспортного успеха нужны не столько менеджеры, сколько трудолюбивая и послушная рабочая сила.

Эти особенности местной рабочей силы не могут быть компенсированы даже ее относительно низкой ценой.

В данных условиях основные надежды Казахстан и Кыргызстан возлагают на развитие горнодобывающей промышленности экспортной ориентации. Для Казахстана - это в первую очередь нефть и газ, а для Кыргызстана - золото. Казахстан вдобавок переориентировал на экспорт предприятия черной и цветной металлургии, выпускающие продукцию низкой степени переработки. Международная конкурентоспособность последних определяется двумя факторами. Во-первых, как и повсюду в пост-СССР, в Центральной Азии фактически не применяются экологические ограничения на загрязняющие природную среду производства, к каковым в основной своей массе относятся предприятия сырьевого сектора и металлургии. Нулевые экологические издержки значительно удешевляют производство экологически грязной продукции. Во-вторых, в сложившейся кризисной ситуации предприятия работают на износ, без какой-либо среднесрочной стратегии

и инвестиционной политики. Это также существенно снижает производственные издержки и в краткосрочном плане повышает конкурентоспособность выпускаемой продукции.

Теоретически в несколько более выгодном положении находится Туркменистан. Как производитель природного газа эта страна, безусловно, конкурентоспособна в глобальном масштабе. К тому же крупные месторождения здесь уже освоены, поэтому перспективы туркменской экономики зависят исключительно от выхода на эффективные экспортные рынки.

Советская трудовая этика укоренилась и в Узбекистане. Тем не менее по своим качественным характеристикам рабочая сила в этой стране больше соответствует тем требованиям, которые необходимы для создания экспортной обрабатывающей платформы. Здесь сказывается и длительная культура ведения оседлого земледелия, и резистентность бытовых традиций, которые предотвратили разрушение и деформацию «структур повседневности», а также массовое распространение пьянства, особенно в сельской местности.

Таджикский декханин не менее трудолюбив, чем узбекский. Однако он оказался надолго выбит из привычной жизненной колеи гражданской войной и хаосом. Тот же вывод справедлив и в отношении той части юга Кыргызстана, население которой исторически вовлечено в ареал ислама и издавна занято земледелием.

Как это ни парадоксально, Узбекистан может опереться и на опыт советского времени. Ежегодную школу принудительной поголовной мобилизации для выполнения трудозатратных низкоквалифицированных работ в течение нескольких месяцев на уборке хлопка прошло все население страны старше пятнадцати лет.

Относительно низкой по мировым меркам остается в Узбекистане и стоимость рабочей силы. Однако этого, судя по всему, недостаточно для компенсации неудачного географического положения и многих других негативных моментов, среди которых, например, обостряющийся дефицит водных ресурсов¹³.

Как и Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан, Узбекистан активно развивает горнодобывающую промышленность, в первую очередь добычу золота и урановых руд. Наряду с хлопком оба эти специфических товара составляют опору национальной экономики, обеспечивая приток твердой валюты. Одновременно Узбекистан довольно

быстро наращивает производство газа и нефти для удовлетворения внутренних потребностей. Доминирование в производственной структуре экспортоориентированного хлопкового производства, а с недавнего времени и топливно-энергетического комплекса, скрыто здесь через особые внутренние «цены», аналогично тому как это было сделано в бывшей советской экономике. При пересчете в нормальных ценовых пропорциях узбекская экономика по основным параметрам будет мало отличаться от соседних.

Таким образом, показатели, характеризующие динамику производства, его структуру, сдвиги на рынке труда, а также высоко агрегированные индикаторы уровня развития, свидетельствуют о чрезвычайной хрупкости нынешней экономической ситуации в Центральной Азии. Не подлежит сомнению то, что все постсоветские государства, включая центральноазиатские, продолжают дрейф в зону слаборазвитости. В мировой системе экономических координат Казахстан, Туркменистан и Узбекистан принадлежат к группе среднедоходных государств, в то время как Кыргызстан и Таджикистан закрепились в группе наименее развитых государств. Правда, по унаследованным от СССР высоким показателям развития социальной сферы - здравоохранения, образования, продолжительности жизни - Центральноазиатский регион несколько приподнимается над общим массивом государств, находящихся на средних этапах мирового развития, и тем более над наименее развитыми странами. По инерции такое положение сохранится еще некоторое время, однако разрушение «достижений социализма» протекает стремительно.

Мы полагаем, что из всей центральноазиатской пятерки только Казахстан и, при самом благоприятном развитии событий, Туркменистан могут надежно закрепиться в высшем эшелоне государств со средним уровнем доходов на душу населения. Эксперты Мирового банка считают, что аналогичными шансами обладает и Узбекистан.

Осторожность в оценке средне- и долгосрочных перспектив центральноазиатских государств усиливается по мере углубленного знакомства с логикой функционирования национальных экономик.

Примечания

¹ Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 111.

² Среди фундаментальных работ на эту тему см.: Kravis I.B., Heston A., Summers R. World Product and Income. International Comparisons of Real Gross Domestic Product. Лапидарное, но предельно простое и емкое описание различных вариантов методики получения паритетов покупательной способности, представлено в. Maddison A. Monitoring the World Economy. 1820-1992. Эта и многие другие работы Ангуса Мэддисона интересны также с точки зрения раскрытия возможностей метода ППС при анализе динамики и структуры экономического роста за протяженные исторические периоды.

³ См.: Попов В. Стратегия роста // Сегодня. 14 марта 1996. С. 3.

⁴ Bhagwati J. Why Services are Cheaper in Poor Countries? // Economic Journal. Vol. 94. № 374. June 1984. P. 279-286.

⁵ О ценах как об экономической категории в хозяйственных системах советского типа можно говорить лишь условно.

⁶ См.: Russian Economic Reform. Crossing the Threshold of Structural Change. P. vii, 267.

⁷ Ослунд А. Россия, рождение рыночной экономики. С. 195.

⁸ Подсчитано по: Maddison A. Monitoring the World Economy. 1820-1992.. P. 132.

⁹ Подсчитано по: *ibid.* P. 149.

¹⁰ См.: Алексашенко С, Костюкова Е., Никологорский Д. Какое будущее уготовано рублю? // Валютный рынок России. Тенденции и перспективы... С. 115-121, 127-129, 131-133.

¹¹ Rogoff K. The Purchasing Power Parity Puzzle // Journal of Economic Literature. Vol. XXXIV (June 1996). P. 663.

¹² См.: Maddison A Monitoring the World Economy. 1820-1992... P. 163.

¹³ О фактическом провале попыток Узбекистана встроиться в международную автомобильную промышленность см. гл. 6 и 11.